ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13
УДК 327.8(045)

Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства

Т.М. Махаматов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждается влияние формирования многополярного мироустройства на динамику субъектности государства. Под государственной субъектностью в пространстве международной политики понимается умение суверенного государства отстаивать свои национальные интересы и безопасность, его выступление с инициативами в решении актуальных международных проблем, учет другими государствами военно-политической, торгово-экономической и других позиций данного государства. Отстаивается тезис, что государственная субъектность в полной мере реализуется в рамках международных объединений, образованных на основе равноправия, учета взаимных интересов и гарантии взаимной безопасности. Обоснование тезиса автором проводится на основе того факта, что с началом становления многополярного мироустройства в пространстве международной политики происходят фундаментальные изменения: в рамках новых межгосударственных объединений и организаций формируются новые правовые нормы международного сотрудничества между странами разных континентов, которые реально могут обеспечивать полноту суверенитета и субъектности странам — членам организации, независимо от их размера, уровня экономического развития и военной мощи. Принципы и нормы этих объединений исключают явный или скрытый диктат крупных, более развитых государств над остальными странами в военно-политическом и торгово-экономическом отношениях. Согласно автору, образование многополярного мироустройства, увеличение государств-субъектов в международной политике, действующих на основе общепринятых международных правовых норм, способствуют смягчению экзистенции глобального политического пространства и установлению действительной демократии в международных отношениях.

Ключевые слова: многополярное мироустройство; суверенитет; субъектность государства; однополярная прозападная глобализация; экзистенциальное пространство

Для цитирования: Махаматов Т.М. Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13

ORIGINAL PAPER

The Formation of a Multipolar World Order and the Subjectivity of the State

T.M. Makhmatov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article discusses the impact of the formation of a multipolar world order on the dynamics of the subjectivity of the state. State subjectivity in the space of international politics is understood as the ability of a sovereign state to defend its national interests and security, its taking initiatives in solving urgent international problems, taking into account by other states the military-political, trade-economic and other positions of this state. The thesis is defended that state subjectivity is fully realized within the framework of international associations formed on the basis of equality, consideration of mutual interests and guarantees of mutual security. The author's substantiation of the thesis is based on the fact that with the beginning of the formation of a multipolar world order, fundamental changes are taking place in the space of international politics: new legal norms of international cooperation between countries of different continents are being formed within the framework of new interstate associations and organizations, which can really ensure the full sovereignty and subjectivity of the member countries of the organization, regardless of their size, level economic development and military power. The principles and norms of

these associations exclude the explicit or implicit dictate of large, more developed states over other countries in military-political and trade-economic relations. According to the author, the formation of a multipolar world order, the increase of states-subjects in international politics acting on the basis of generally accepted international legal norms contribute to the softening of the existence of the global political space and the establishment of a real democracy in international relations.

Keywords: multipolar world order; sovereignty; subjectivity of the state; unipolar pro-Western globalization; existential space

For citation: Makhamatov T.M. The formation of a multipolar world order and the subjectivity of the state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):6-13. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-6-13

ВВЕДЕНИЕ

Начало процесса формирования многополярного мироустройства есть одновременно начало перехода на иной качественно новый этап глобализации человеческого бытия. Формирующийся этап не является самоотрицанием глобализации, но выступает диалектическим отрицанием, началом нового исторического периода развития глобализационного процесса. Данный период, как обоснованно доказывает А. Н. Чумаков, не корректно и не логично обозначать как *деглобализацию* [1], что означало бы игнорирование объективно-исторического, противоречиво поступательного характера глобализации. Такое понимание нынешнего этапа глобализации не соответствует реальности современного человеческого бытия, означает лишь недопонимание усиления направленности его динамики на противоречивое, но неизбежное единение. Вместо необоснованного утверждения о движении вспять человеческой истории от глобализации к деглобализации целесообразно было бы исследовать суть диалектики нынешнего состояния глобализационного процесса, выявлять в нем новые тенденции, возможности и перспективы как для глобального человечества, так и для отдельных стран и государств, что является сегодня наиболее актуальной проблемой философии глобализации.

В условиях усиления и углубления кризиса в международных отношениях и мировой западной экономики рождается новый этап глобализации [2]. Ее существенная особенность заключается в образовании нового типа международных объединений, которые строятся на принципах правового равенства своих участников, учета безопасности друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, ненаправленности объединений против третьей стороны. Такой тип объединений государств открывает перед странами всех континентов, особенно глобального Юга, реальные возможности, условия и основания укрепления их суверенитета, национально-политических идентичностей, сохранения ими своих традици-

онных национальных ценностей и создания предпосылок социально-экономического развития. Принципы международных объединений нового типа создают реальные политико-экономические возможности и малым, и большим *суверенным* государствам перестать *быть в положении объекта* прозападной глобализации, ведущей прокси-войны против объективной тенденции исторической эволюции глобального человечества [3, 4], но приобрести *субъектность на международной арене*.

Однако достаточно ли одного суверенитета государства для его превращения в действительный субъект международной политики, и какое содержание вкладывается в понятие «*субъектность государства*»? Каковы объективные социально-политические основания, необходимые для приобретения субъектности?

Эти и связанные с ними другие проблемы будут рассмотрены в рамках данной статьи.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прежде чем приступить к анализу проблемы субъектности государства в поле международной политики, целесообразно еще раз за А. Н. Чумаковым, И. В. Ильиным, О. Г. Леоновой и другими исследователями проблем глобализации подчеркнуть два чрезвычайно важных концептуальных положения в философии глобализации, лежащих в основании рассматриваемой нами проблемы.

Во-первых — это принцип объективности процесса глобализации, ее обусловленности самой природой человеческого бытия и единственностью планеты Земля как материнского лона для всего человечества. Финансово-экономическая, военно-политическая, научно-исследовательская деятельность стран разных континентов, «демографическая лавина» с Востока на Запад, с Юга на Север с объективно-исторической неизбежностью связывают страны и народы мира в единый противоречивый клубок [5].

Согласно выводу исследований одного из известных российских исследователей в области

философии глобализации А. Н. Чумакова, «глобализацию можно определить как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе территориальной замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных границ и т.п. и в таком качестве никем не может быть проигнорирована. Понимаемая таким образом глобализация в своем развитии может иметь временные спады, подъемы и стагнации только лишь в отдельно взятых сферах общественной жизни, например в экономике, демографии или касательно международной военно-политической напряженности» [1, с. 27].

Принцип объективности глобализационного процесса выступает методологической основой, основной парадигмой выработки основ форм и способов мирного разрешения всех видов глобальных проблем с учетом интересов как всего человечества, так и каждой страны любого континента, каждого народа, парадигмой, исключающей деление стран на западные и все остальные [6, 7].

Во-вторых, глобализация, как и любое человеческое образование, находится в *поступательном эволюционном изменении*, имеет качественно отличающиеся друг от друга этапы своей истории. Потому, как справедливо пишут И. В. Ильин, О. Г. Леонова, «весьма важным для исследования и прогнозирования развития глобализации, — является эволюционный подход. Интенсивно развивающаяся и актуальная новая дисциплина — эволюционная глобалистика — делает акцент на изучении эволюции и коэволюции глобальных процессов и систем в их системно синергетическом единстве — глобальном развитии, в котором свое место занимает глобальная политика, отражающая специфику глобальных политических процессов». [8, с. 44, 9; 10].

Эволюционная глобалистика, разрабатываемая вышеперечисленными исследователями и другими авторами журнала «Век глобализации», приводит нас к выводу, что с 2000-х гг., когда экономика Китая начала укрепляться и вставать на путь инновационного, цифрового развития, когда начал действовать принцип «Один пояс —

один путь», когда Российская Федерация встала на рельсы укрепления политико-экономической самодостаточности и осознания своей идентичности, когда образуются БРИКС, ШОС, ЕАЭС и другие аналогичные международные объединения, начинается формирование *качественно* нового периода глобализации как диалектическое отрицание первоначального этапа. Данный этап общечеловеческого бытия формируется как *объективный результат* исторической поступательной, эволюционной динамики глобализации, обусловленный образующимся многополярным мироустройством, переходом от западноцентричной к полицентричной модели глобализации [10].

Нынешний исторический этап глобализации мы предложили определить как *неоглобализацию*, которая имеет свои специфические имманентные противоречия, новые тенденции, ставит перед человечеством новые проблемы, способы и возможности их разрешения [11]. Неоглобализационный этап сопровождается введением принципиально новых подходов и правовых норм в практику международных отношений, которых не было в прозападном этапе глобализации, которые способны обеспечить все государства реальным суверенитетом и правовым равенством в глобальном военно-политическом, финансово-экономическом и торговом пространстве.

На формирующемся этапе глобальной и противоречивой эволюции бытия человечества, как обосновывают И. В. Ильин, О. Г. Леонова, «именно геополитические цели восходящих держав будут оказывать доминирующее влияние на динамику глобальных политических процессов» [8, с. 42]. Вместо одного западного центра, одного субъекта глобализации в глобальном политическом пространстве образуются дающие импульсы процессу глобализации новые центры, новые субъекты, политические акторы. Одновременно возрастает политическая активность и самостоятельность ранее пассивных и во многом зависевших от Западных держав азиатских, африканских и латиноамериканских государств [12]. Они постепенно становятся отстаивающими свои национальные интересы, свою идентичность *акторами-субъектами* мировой политики.

ДИСКУРС О СУВЕРЕНИТЕТЕ, СУБЪЕКТНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕ И СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Понятие политической субъектности требует анализа таких родственных понятий, как суве-

ренитет и диалектическая связь субъектности государства во внешней политике с реальной полнотой государственного суверенитета.

Формальными атрибутами суверенитета государства являются наличие государственной границы, Конституции, государственного гимна, флага. Однако этих атрибутов явно недостаточно для признания действительного суверенитета государства. Например, Палестинская автономия, Абхазия, Северная Осетия, Косово имеют вышеперечисленные атрибуты, но не являются суверенными государствами. Согласно А. В. Минаеву, «государственным суверенитетом определяется такое состояние государства, при котором его верховная власть обладает правом и реальными возможностями проводить политику в интересах народа и государства в целом, на самостоятельной и независимой основе» [13, с. 137]. Здесь следует отметить некоторую неточность данного А. В. Минаевым определения понятия суверенитета. Например, нами вышеперечисленные *не суверенные государства* обладают правом и, в какой-то мере, проводят «политику в интересах своих народов», в то время как большинство полноправных суверенных государств, например, члены ЕС, проводят *политику не в интересах своих народов и государств* [14.]. Суверенитет государства с точки зрения международного права не может определяться только внутренней, внешней политикой государства и формальными атрибутами, но еще определяется международным признанием, членством в ООН, т.е. целым комплексом атрибутов и признаков.

Общеизвестно, что наличие формальных, юридических атрибутов суверенитета еще не означает полноту суверенитета того или иного государства. Как пишет А. И. Конуров, «с юридической точки зрения в мире существует равенство государственных суверенитетов всех стран. При этом юридическое равенство суверенитетов государств сопровождается их фактическим неравенством. Реализация государственного суверенитета осуществляется в сфере практической государственной политики, которая у разных государств может иметь разную степень самостоятельности» [15, с. 152]. На этапе глобализации до начала XXI в. многие страны мира, даже развитые западноевропейские страны, в военно-политической, технологической и финансово-экономической сферах зависели от США, главного субъекта уходящей в историю прозападной глобализации. Ограниченность суверенитета членов ЕС и НАТО ярко

проявилась на фоне антироссийской политики США, в их санкционной политике против Российской Федерации, в одностороннем отношении их к причине и целям СВО Российской Федерации на Украине.

Причиной реальной ограниченности, или неполноты суверенитета государства, является ряд факторов. Одним из факторов выступают ограничивающие политическую самостоятельность государства условия членства в том или ином международном союзе или объединении, военно-политическая и финансовая зависимость членом альянса от центра.

Другим фактором, на наш взгляд, выступает качество лидера страны: является ли он самостоятельным в определении политики своего государства? Являются ли интересы населения страны для лидера приоритетом в его политике? Каков уровень доверия народа к нему? Каков характер мировоззрения, уровень общего и политического образования лидера? Опыт некоторых стран, таких как Молдова, Грузия, прибалтийские страны, показывает, что страна получения высшего образования будущим лидером государства также играет немаловажную роль в его политике и в полноте реального суверенитета государства.

На полноту реального суверенитета государства влияет также характер, реальная полнота демократии в данной стране, предусматривающая *прямые выборы* гражданами лидера своей страны, сам механизм выборов, исключающий различного рода махинации с голосами избирателей, проведение референдумов при принятии судьбоносных для страны решений, равенство граждан вне зависимости от этнических, религиозных различий и других общепринятых атрибутов. Такая демократия, которая допускает избрание «кухарки» лидером политических организаций, назначение ее на высокие государственные должности, как еще Платон отмечал, является наихудшей формой правления. «Между тем демократический строй, — отмечает Платон, — ...несколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности» [16, с. 345, с. 558].

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ СУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Государство может стать реальным субъектом в международной политике только имея полную суверенитет. Иначе оно может оказаться марионеткой в руках более сильных акторов ми-

ровой политики. Это положение, можно сказать, является аксиомой политической теории.

Прежде чем приступить к исследованию проблемы субъектности государства, следует определить ее отличие от субъектности во внутренней политике государства, например, от политической субъектности личности [17], политических партий [18], регионов [19]. Характер и уровень развитости субъектности во внутренней политике государства отражает уровень развития демократии в данной стране и оказывает сильное влияние на субъектность государства во внешней политике. Вышеперечисленные формы внутриполитической субъектности выступают своеобразной школой подготовки, формирования потенциальных лидеров страны, укрепляя тем самым политический фундамент внешнеполитической субъектности страны.

Под *субъектностью государства* понимается, прежде всего, ведение государством самостоятельной и четкой внутренней и внешней политики, отстаивание своих национальных интересов, выступление с инициативой в решении актуальных проблем международной политики, учет другими странами военно-политической и экономической позиции данного государства. Здесь в качестве государств-субъектов можно назвать Кубу, Северную Корею, Венесуэлу, Иран и ряд других государств. Также в качестве примера можно привести инициативы Турции по вопросу организации и проведения переговоров между РФ и Украиной, позицию Венгрии при обсуждении очередного пакета санкций против Российской Федерации, посредническую роль Саудовской Аравии при обмене военнопленными России и Украины, инициативу Узбекистана по созданию Консультативного совета центрально-азиатских государств [20].

Как показывает опыт современного Китая, Российской Федерации, Исламской республики Иран и ряда других стран, субъектность государства, кроме общепризнанного юридического суверенитета, опирается на уровень экономического развития государства, стабильность и устойчивость во внутренней политике страны, на ее военно-политический потенциал, принципы внешней политики и торгово-экономической практики, на политическую поддержку высшего руководства гражданами данного государства и, конечно, на силу и твердость характера лидера страны. Например, лидеры некоторых стран на всеобщих выборах получают широкую поддер-

жку своих граждан, но из-за отсутствия четкой самостоятельной политической линии, отсутствия лидерского характера они вскоре станут марионетками в руках сильных субъектов международной политики или же потеряют власть и нанесут непоправимый урон суверенитету государства.

Еще одним немаловажным объективно-необходимым основанием достижения субъектности является членство данного государства в объединении со странами, имеющими близкие политические и торгово-экономические позиций. Следует подчеркнуть, что становление субъектности государства начинается и укрепляется при правильном выборе партнеров, близких по своей политике стран, благодаря международным организациям и в их рамках. В качестве таких принципиально новых организаций-объединений, действительно способствующих приобретению государствами субъектности в международной политике, можно рассматривать ШОС, БРИКС, Таможенный союз, СНГ, ЕАЭС, цели и задачи которых не направлены против третьей стороны, где нет слишком централизованного руководства, где господствует учет национальных интересов каждого участника объединения и лишь требуется выполнение общепринятых правил членства [21]. Подобные объединения создают своим членам благоприятные политико-экономические базы для приобретения субъектности в международной политике.

Реальный опыт истории международной политики демонстрирует, что *ни одно государство*, каким бы оно военно-политически и экономически развитым ни было, без союзников, без объединения с другими государствами, *без международной интеграции* в объединения регионального, межрегионального или более широкого характера *не может добиться субъектности в международной политике*. Понимание значения и роли этого фактора проявляется в стремлении Казахстана, Туркменистана, Узбекистана создать региональные интеграционные советы, объединения.

Членство в вышеперечисленных объединениях крупных государств, как КНР, России, Индии, Ирана, Бразилии, ни в коем случае не препятствует небольшим государствам — членам объединения укреплять свой суверенитет и стать полноправными субъектами международной политики. Наоборот, в рамках данных международных объединений более крупные и развитые государства-члены, помогая торгово-экономиче-

скому развитию и решению социальных проблем других *равноправных* стран-членов, способствуют приобретению ими субъектности в глобальном пространстве международной политики.

Условия членства и принципы практики в вышеперечисленных объединениях ни в коем случае не позволяют их крупным странам-членам развиваться за счет других членов объединений. Например, как отмечает китайский исследователь Ван Синь: «По мере того как Китай вступает в новую эру, его дипломатия уделяет все больше внимания тому, *чтобы не развиваться за счет интересов других стран*, никогда не отказываться от своих законных национальных прав и интересов и не жертвовать своими основными национальными интересами» [22, с. 46, 23]. То же самое можно с полной уверенностью утверждать насчет политики Российской Федерации, Бразилии, Ирана, Саудовской Аравии и других крупных стран к своим партнерам по объединению.

Еще одной особенностью субъектности государства в глобальном пространстве внешней политике является его диалектическая взаимосвязь с полнотой суверенности государства. Практика международной политики показывает, что субъектность страны, как отмечает А.И. Конуров, становится ключевым фактором «для наполнения государственного суверенитета реальным содержанием и обеспечения подлинной самостоятельности внутренней и внешней политики государства» [15, с. 149].

В эпоху неоглобализации как субъектность, так и суверенитет государства может успешно формироваться, укрепляться и реализоваться на основе признания верховенства международного права, а не абстрактных правил. Суверенитет и субъектность опираются также на диалектическое сохранение национальных традиций, т.е. на позитивный традиционализм и консерватизм, на реальное, законами защищенное равенство всех традиционных религий, национальных и этнических групп населения страны.

Суверенитет и реальная субъектность государства не может быть без идеологии. Государственную идеологию не обязательно фиксировать в Конституции, но и не обязательно декларировать ее отсутствие. Она постепенно сама формируется в творчестве народа — в поэзии, песнях, романах, философии и т.п., опираясь на *объективную историю* побед, героизма своих сыновей и дочерей, на вековую историю взаимодействия с соседними государствами, на верховенст-

во общечеловеческих ценностей — понимания и уважения прав и духовных ценностей других народов и этносов. Таким образом, субъектность и суверенитет не могут быть достигнуты на основе враждебности к другим странам, на основе обвинения других стран в своих неудачах и бедах. Прав был великий Сократ, когда говорил: «Познай самого себя».

ВЫВОДЫ

Наше исследование показывает, что в формирующейся эпохе неоглобализации проблема суверенитета и субъектности как крупных, так и небольших государств становится одной из острых проблем глобального бытия человечества. Во-первых, очевидно, что США, используя своих западноевропейских союзников, ведя прокси-войну против формирующихся полюсов мира, субъектов мировой политики, стремятся сохранить свою уходящую в историю монополию на мировую субъектность. Но, во-вторых, в противовес США и ЕС, такие экономически развивающиеся и политически укрепляющиеся страны, как КНР, РФ, Иран, Бразилия, Индия, Турция, Саудовская Аравия и др., постепенно превращаются в полноценные субъекты глобального политико-экономического пространства. К ним прибавляется, в-третьих, процесс стремления таких региональных крупных стран, как Венесуэла, Казахстан, Узбекистан, Северная Корея, стать полноценными субъектами как в региональной, так и мировой политике. В настоящее время усиливающийся процесс стремления государств разной величины, разного уровня суверенности, разной внутренней и внешней политики в различных регионах мира к субъектности создает напряженность в мировой политике. Такая ситуация в международных отношениях приводит к образованию экзистенциального пространства [23]. Однако такая общественно-политическая напряженность и экзистенциализация глобального пространства еще не означает неизбежность глобального хаоса [24], но требует скорейшего нахождения способов преодоления противоречий данного процесса, разработки новых, адекватных современной ситуации, норм международного права, глубокой и действительной демократизации деятельности международных институтов, соблюдающих принцип равенства и суверенитета каждого члена ООН. На наш взгляд, принципы организации и деятельности БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ могли бы быть образцом в решении сказанной глобальной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чумаков А.Н. Глобализация или деглобализация? *Век глобализации*. 2023;47(3):19–34.
2. Bashovski M., Rossi N. Introduction: Political subjectivity in times of crisis. *Globalizations*. 2023:1–16. DOI: 10.1080/14747731.2023.2186102
3. Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации*. 2013;12(2):63–78.
4. Махаматов Т.М., Махаматов Т.Т. Запад и Восток в аспекте формирования глобальной цивилизации. *Век глобализации*. 2020;33(1):83–92.
5. Чумаков А.Н. О глобализации с объективной точки зрения. *Век глобализации*. 2014;14(2):39–51.
6. Meiches B. The politics of annihilation: A genealogy of genocide. Minnesota: University of Minnesota Press; 2019. 328 p.
7. Sinclair G.F. Towards a postcolonial genealogy of international organizations law. *Leiden Journal of International Law*. 2018;4(31):841–869. DOI: 10.1017/S 092215651800047X
8. Ильин И.В., Леонова О.Г. Новые подходы к исследованию феномена глобализации в зарубежной науке. *Век глобализации*. 2023;47(3):35–47.
9. Чумаков А.Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации. *Век глобализации*. 2013;12(2):23–37.
10. Гринин Ю.Д. Глобализация: диалектика исторических форм осуществления. *Век глобализации*. 2014;13(1):90–103.
11. Махаматов Т.М. От эпохи глобализации к неоглобализации: культурно-цивилизационный аспект. *Век глобализации*. 2017;24(4):55–61.
12. Solomon T. The politics of subjectivity in American foreign policy discourses. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2015. DOI: 10.3998/mpub.5031921
13. Минаев А.В. Десуверенизация и утрата государством политической субъектности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2016;(3):135–144. DOI: 10.22363/2313–1438–2016–3–135–144
14. Зубов В.В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):100–107. DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–1–100–107
15. Конуров А.И. Глобальная политическая субъектность и ее влияние на суверенитет государства. *Вестник Военного университета*. 2010;21(1):147–152.
16. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Государство. М.: Мысль; 1994. 656 с.
17. Конуров А.И., Будылин К.Ю. Субъектность как политологическая категория. *Власть*. 2012;(6):148–152.
18. Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С. Правовой статус политических партий в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):13–19.
19. Володин А.В. О политической субъектности регионов РФ. *Власть*. 2012;(6):121–124.
20. Мирзиёев Ш.М. Новая стратегия Узбекистана. Ташкент: «Узбекистан»; 2021. 464 с.
21. Арлакки П. Обман и страх: Миф глобального хаоса. М.: Кучково поле; 2018. 432 с.
22. Вань Синь. Внешнеполитическая стратегия КНР в решении глобальных проблем. *Век глобализации*. 2023;46(3):35–47
23. Чумакова А.Н., Ли Хэй, ред. Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества. Коллективная монография. М.: «Дашков и К.»; 2021. 464 с.
24. Махаматов Т.М., Маматов М.А., Пулатова Д.А. Глобальное экзистенциальное пространство. *Век глобализации*. 2023;47(37):116–126.

REFERENCES

1. Chumakov A.N. Globalization or deglobalization? *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2023;47(3):19–34. (In Russ.).
2. Bashovski M., Rossi N. Introduction: Political subjectivity in times of crisis. *Globalizations*. 2023:1–16. DOI: 10.1080/14747731.2023.2186102
3. Grinin L.E. Globalization is shuffling the world deck (Where the global economic and political balance is shifting). *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2013;12 (2):63–78. (In Russ.).
4. Makhamatov T.M., Makhamatov T.T. The West and the East in the aspect of the formation of a global civilization. *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2020;33(1):83–92. (In Russ.).
5. Chumakov A.N. About globalization from an objective point of view. *Vek globalizaczii = Age of globalization*. 2014;14(2):39–51. (In Russ.).

6. Meiches B. The politics of annihilation: a genealogy of genocide. Minnesota: University of Minnesota Press; 2019. 328 p.
7. Sinclair G.F. Towards a postcolonial genealogy of international organizations law. *Leiden Journal of International Law*. 2018;4(31):841–869. DOI: 10.1017/S 092215651800047X
8. Ilin I.V., Leonova O.G. New approaches to the study of the phenomenon of globalization in foreign science. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;47(3):35–47. (In Russ.).
9. Chumakov A.N. Theoretical and methodological foundations of research on globalization processes. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2013;12(2):23–37. (In Russ.).
10. Granin Yu.D. Globalization: The dialectic of historical forms of implementation. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2014;13(1):90–103. (In Russ.).
11. Mahamatov T.M. From the era of globalization to globalization: cultural and civilizational aspect. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2017;24(4):55–61. (In Russ.).
12. Solomon T. The politics of subjectivity in American foreign policy discourses. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2015. DOI: 10.3998/mpub.5031921
13. Minaev A.V. Desuverenization and loss of political subjectivity by the State. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2016;(3):135–144. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–1438–2016–3–135–144
14. Zubov V.V. The German doctrine of «Realpolitik» through the prism of modern world politics. *Gumanitarny'e nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):100–107. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–1–100–107
15. Konurov A.I. Global political subjectness and its influence on state sovereignty. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2010; 21(1):147–152. (In Russ.).
16. Platon. Collected works in 4 volumes. Vol. 3. The State. Moscow: Mysl; 1994. 656 p. (In Russ.).
17. Konurov A.I., Budylin K. Yu. Subjectivity as a political science category. *Vlast*. 2012;(6):148–152. (In Russ.).
18. Bitieva Z.R., Dzyuban V.V., Yaroshenko A.S. Legal status of political parties in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):13–19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2022–12–4–13–19
19. Volodin A.V. On the political subjectivity of the regions of the Russian Federation. *Vlast*. 2022;12(4):13–19. (In Russ.).
20. Mirziyoev Sh.M. The new strategy of Uzbekistan. Tashkent: “Uzbekistan”; 2021. 464 p. (In Russ.).
21. Arlakki P. Deception and fear: the myth of global chaos. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 462 p. (In Russ.).
22. Wan Sin. China’s foreign policy strategy in solving global problems. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;46(3):35–47. (In Russ.).
23. Chumakova A.N., Li Hey, eds. Russia and China in the global world. Topical issues of intercultural cooperation. A collective monograph. Moscow: “Dashkov i K.”; 2021. 464 p. (In Russ.).
24. Mahamatov T.M., Mamatov M.A., Pulatova D.A. Global existential space. *Vek globalizacii = Age of globalization*. 2023;47(37):116–126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Таир Махаматович Махаматов — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Tair M. Makhamatov — Dr. Sci. (Philos.), Prof. of the Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

makhamatov.tair@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 11.09.2024; принята к публикации 11.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 11.09.2024; accepted for publication on 11.10.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.